

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.17>

Миннуллин Ким Мугаллимович, Закирова Ильсеяр Гамиловна

ОБРАЗ СТАРУХИ УБЫРЛЫ В ТАТАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

В статье рассматривается образ Старухи Убырлы (Убырлы карчык), который недостаточно исследован в татарской фольклористике. Старуха Убырлы является сложным и противоречивым персонажем, который частично напоминает Бабу-ягу. В татарских волшебных сказках Старуха Убырлы представлена в четырех ипостасях: помощницей героя; обладательницей огня; колдуньей или ведуньей; волком-оборотнем. Противоречивость и многогранность образа объясняется тем, что он формировался в течение долгого времени и впитал в себя элементы из разных источников, начиная с древних мифов и заканчивая более поздними сказками, быличками и поверьями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 81-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

Список источников

1. **Духовное наследие: поиски и открытия** / под ред. И. Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2017. Вып. 3. 336 с.
2. **Заһидуллина Д. Ф.** Әдәбият кануннары һәм заман (Татар әдәбият нәзариәсенә барлыкка килүе һәм үсеш баскычлары). Казан: Татар. китап нәшр., 2000. 271 б.
3. **Ибрагимов М. И.** Вопросы национальной идентичности в статьях Г. Ибрагимова 1910-1920-х гг. // Наследие Галимджана Ибрагимова в контексте многообразия культур: материалы Международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 2017. С. 16-20.
4. **Ибраһимов Г.** Татар мәданияте нинди юл белән барачак? // Казан утлары. 1992. № 3. Б. 157-177.
5. **Ибраһимов Г.** Татар телен тикшерү юлында (Татар сарыфлары) // Ибраһимов Г. Әсәрләр: 8 томда. Казан: Татарстан китап нәшр., 1987. Т. 8. Төрки һәм татар теле буенча хөзмәтләр (1910-1930). Б. 109-130.
6. **Ибраһимов Г.** Телләре башка булса да, күнелләре бер // Ибраһимов Г. Әсәрләр: 8 томда. Казан: Татарстан китап нәшр., 1987. Т. 5. Б. 225-233.
7. **Ибраһимов Г.** Тюркология съезды нәрсә бирде? // Ибраһимов Г. Әсәрләр: 8 томда. Казан: Татарстан китап нәшр., 1987. Т. 8. Төрки һәм татар теле белән буенча хөзмәтләр (1910-1930). Б. 271-276.
8. **Ибраһимов Г.** Фәнни истиляхлар // Ибраһимов Г. Әсәрләр: 8 томда. Казан: Татарстан китап нәшр., 1987. Т. 8. Төрки һәм татар теле буенча хөзмәтләр (1910-1930). Б. 79-88.
9. **Касыймов Г.** Татар мәданияте нинди юл белән барачак? (Г. Ибраһимов, 27 ел, 19 февраль, Казан) // Яңа авыл. 1927. 17 март.
10. **Надьярных М. Ф.** Категории описания национальных художественных процессов // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты / отв. ред. К. К. Султанов. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 131-139.
11. **Сафиуллин Я. Г.** Крутые повороты: арабица, латиница, кириллица // Библиотечный вестник. 2017. № 1 (43). С. 32-38.
12. **Толымбайский Г.** Искермәгән бер уңлык турында // Безнең юл. 1929. № 11. Б. 24-25.

COMPARATIVE DISCOURSE IN GALIMDZHAN IBRAGIMOV'S WORKS OF THE 1910-1920S

Minnullin Kim Mugallimovich, Doctor in Philology, Professor
Ibragimov Marsel' Il'darovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
minnullin.kim@yandex.ru; mibragimov1000@mail.ru

The article analyses the works on linguistics and literary studies of the famous Tatar scientist Galimdzhan Ibragimov. It is ascertained that problematizing the issue of national identity of the Tatar language and literature, G. Ibragimov uses the comparative method: includes the phenomena of the Tatar language and literature in the series of comparisons and contrasts with the phenomena of the Turkic and Russian languages and literature. The authors determine that the basis of comparative discourse in G. Ibragimov's works is the idea of the plurality of languages and literature, each developing in accordance with their immanent properties.

Key words and phrases: Tatar language; Tatar literature; comparative studies; G. Ibragimov; identity; plurality of languages.

УДК 82.343

Дата поступления рукописи: 09.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.17>

В статье рассматривается образ Старухи Убырлы (Убырлы карчык), который недостаточно исследован в татарской фольклористике. Старуха Убырлы является сложным и противоречивым персонажем, который частично напоминает Бабу-ягу. В татарских волшебных сказках Старуха Убырлы представлена в четырех ипостасях: помощницей героя; обладательницей огня; колдуньей или ведуньей; волком-оборотнем. Противоречивость и многогранность образа объясняется тем, что он формировался в течение долгого времени и впитал в себя элементы из разных источников, начиная с древних мифов и заканчивая более поздними сказками, быличками и поверьями.

Ключевые слова и фразы: Убырлы карчык; татарский фольклор; помощница героя; волшебная сказка; разновидности образа.

Миннуллин Ким Мугаллимович, д. филол. н., профессор

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,

г. Казань

minnullin.kim@yandex.ru; ilzakirova@mail.ru

ОБРАЗ СТАРУХИ УБЫРЛЫ В ТАТАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

В татарских волшебных сказках значительное место занимают мифологические персонажи, которые являются чудесными помощниками или противниками сказочного героя. Часть из них встречается только в народных сказках, например *Дюю/Дюю пәрие* (Див) или *Жиде башлы Жилбегән* (Семиглавое чудовище), *Убырлы карчык* (Старуха Убырлы), *Аждаһа* (Змей), *Гыйфрит* (Ифрит). Есть также персонажи, которые кочуют по разным жанрам татарского фольклора, встречаются в легендах, быличках и бывальщинах. К ним относятся *Юха елан* (змея, принявшая женский облик), *Убыр* (оборотень) и др.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что в работе на основе обширного фольклорного материала впервые изучается персонаж *Убырлы карчык*. **Цель** – выявить этнонациональное своеобразие, функции образа Старухи Убырлы в татарском фольклоре.

Цель определила решение важнейшей **задачи**: выявить историко-этнографическую основу образа, специфические качества образа Старухи Убырлы в татарских сказках.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые выявлены и проанализированы все ипостаси образа Старухи Убырлы.

Сразу отметим, что старуха Убырлы частично соответствует образу Бабы-яги в русских народных сказках. В татарских сказках функции Старухи Убырлы выполняют также *Ялмавыз/Жалмавыз* (Чудовище, дословно – ненасытный(ая)), *Сихерче карчык* (колдунья). Фольклорно-мифологический образ фольклора сибирских татар и башкир *Мэскэй эби* (бабушка Мэскэй) в волшебных сказках также замещает Старуху Убырлы. О. М. Фрейденберг, обращая внимание на неслучайность имени персонажа, пишет: «Основной закон мифологического, а затем и фольклорного сюжетосложения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, разворачивается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» [15, с. 223]. Продолжая эту мысль, можно сказать следующее: имя персонажа на татарском языке происходит от слова *убыр*. В татарской мифологии *Убыр* – злой дух, «который двигается в виде снопа огня» [9, б. 603], или «ненасытный оборотень-людоед, дух ненасытности, обжорства» [10, б. 337].

В татарских сказках образ Старухи Убырлы, переходя из одной сказки в другую, обретает разные качества, функции, которые в совокупности выстраиваются в цельный образ. Мотив, потерянный в одной сказке, может сохраняться в другой. Сравнительный анализ различных вариантов сказки помогает более полному раскрытию образа. Образ Старухи Убырлы складывается из описания различных ее поступков и действий, поведения в разных ситуациях, во взаимоотношениях с другими персонажами [1, с. 61].

Первые описания образа встречаются в работе Каюма Насыри «Поверья и обряды Казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства» [5, с. 240-270]. К. Насыри пишет о том, что Убыр-Старуха проживает только в безлюдных местах, «куда может попасть татарин, только сбившийся с дороги – когда идет или едет. Живут они в избушках» [Там же, с. 245]. В этой же работе есть еще одно наблюдение о Старухе Убырлы: «...бывают случаи, когда татары, имея нужду узнать о потере чего-нибудь важного, сами стараются отыскать Убыр-Старуху. Как же они узнают о местопребывании Убыр-Старухи? А вот как: они пускаются в путь, куда глаза глядят, и после долгого странствования находят наконец на берегу озера женщину-красавицу, расчесывающую себе волосы гребнем; она-то и рассказывает, где живет Убыр» [Там же]. Этот сюжет о Старухе Убырлы в современном татарском фольклоре не сохранился. Очевидно, что у Старухи Убырлы нет определенного места обитания, ее можно найти, двигаясь в любом направлении. Она является сказочным отражением зла, коварства или других качеств – в зависимости от того, с какой целью ее ищут.

Ф. И. Урманчеев, исследуя образ Старухи Убырлы, отмечает его двойственность: «В основном это злой дух, а иногда может прийти на помощь эпическому герою» [14, б. 142]. Опираясь на мнение В. Я. Проппа, Ф. И. Урманчеев связывает генезис этого образа с эпохой матриархата [Там же]. А. А. Потехин отмечает связь образа Баба-яги с природой. Двойственная природа Бабы-яги в фольклоре связана, во-первых, с образом хозяйки леса, которую надо задобрить, во-вторых, с образом злого существа [6].

В научных трудах, опубликованных в последние годы, встречаются интересные наблюдения об образе Старухи Убырлы в татарском и башкирском фольклорах. Персонаж Старухи Убырлы в башкирских волшебных сказках изучает Г. Р. Хусаинова. Развертывая функции персонажа, она указывает, что Старуха Убырлы близка к персонажу башкирских волшебных сказок *Мэскэй эбей*: «В некоторых сказках функции *Мэскэй эбей* и *Убырлы карсык* идентичны» [17, с. 84-87]. Д. Ф. Хакимзянова и Р. Н. Сабирова исследуют образ, не учитывая его противоречивость и делая ошибочные выводы, что Старуха Убырлы исключительно положительный образ: «К негативным характеристикам данного персонажа можно отнести лишь ее уродливость, потому что если к *Убырлы карчык* приходили с миром и уважительным отношением, то она не вредила человеку, а наоборот, даже помогала» [16, с. 66].

Старуха Убырлы в татарских народных волшебных сказках выступает персонажем с противоположными функциями: в одних сказках является помощницей героя и соответствует Бабе-яге, дарительнице или помощнице, в других – вредительницей и своими функциями напоминает старуху-ведьму или оборотня. Образ объединяет не соответствующие друг другу качества и функции нескольких персонажей. В. Я. Пропп отмечает, что Баба-яга очень трудный для анализа персонаж: «Ее образ слагается из ряда деталей. Эти детали, сложенные вместе из разных сказок, иногда не соответствуют друг другу, не совмещаются, не сливаются в единый образ» [7, с. 40]. На примере русских народных сказок ученый выделяет три разновидности Баба-яги: «В основном сказка знает три разные формы яги. Она знает, например, ягу-дарительницу, к которой приходит герой. Она его выпрашивает, от нее он (или героиня) получает коня, богатые дары и т.д. Иной тип – яга-похитительница. Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение. Наконец, сказка знает еще ягу-воительницу. Она прилетает к героям в избушку, вырезает у них из спины ремень и пр.» [Там же, с. 40-41]. В татарских народных сказках образ Старухи Убырлы, частично соответствуя образу Баба-яги, имеет больше разновидностей.

Первая разновидность Старухи Убырлы, основная функция которой сводится к помощи герою советами и подсказками, наделена магическими знаниями. Она предсказывает герою его судьбу, указывает путь,

подсказывает, как поступать при встречах с противниками, предупреждает об опасностях, которые подстерегают героя в пути. Указывая герою правильное решение при определенных ситуациях, Старуха Убырлы играет немаловажную роль в судьбе персонажа (напр., в сказках «Уги кыз» – «Падчерица», «Көнгә күрәнмәс Сылу-көмеш» – «Невидимая миру красавица Сылу»), «Айгали батыр» – «Богатырь Айгали»).

Образ Старухи Убырлы в качестве помощницы героя сформировался в эпоху матриархата, возвеличивания женщины. Неслучайно в татарских сказках Старуха Убырлы приходит на помощь только к тем героям, которые относятся к ней как женщине почтенного возраста и несомненно достойной уважения. Поступки Старухи Убырлы отражают отношение героя к ней самой. Если герой сказки приветствует Старуху Убырлы с почтением, располагает своим добрым отношением, она раскрывается положительной стороной и помогает герою. «Если бы, сын мой, ты не поздоровался бы со мной, я бы тебя раз откусила и второй раз проглотила бы» («Әбекәй» – «Бабуля») [18, б. 85]. В этой сказке персонаж отличается от традиционной Старухи Убырлы, или *Ялмавыз/Жалмавыз*, которая изображена только вредительницей (напр., в сказках «Богатырь Дутан», «Два брата», «Гульчачак»). Старуха Убырлы дает возможность герою восстановить силы, отдохнуть, указывает ему путь. «Если посетивший Старуху-Убыр сбился с дороги и обратился к ней с просьбой помочь, та дает ему волшебный клубок и велит покатыть по земле, и потом за ним идти. Клубок всегда доведет заблудившегося героя куда следует» [3, б. 246], – пишет К. Насыри. Таким образом, Старуха Убырлы определяет не только путь, но и судьбу героя [18, б. 54].

В сказках герой может повстречаться со Старухой Убырлы во время путешествия в другой мир в поисках девушки, похищенной *Дию* (Дивом). В этом случае Старуха Убырлы воспринимается, в первую очередь, как хранительница границы между двумя мирами. Именно она помогает герою перейти эту границу. В. Я. Пропп также отмечает, что Баба-яга встречается на границе между миром мертвых и живых, и то, что дом персонажа располагается в лесу, подтверждает его пограничное положение [7, с. 51].

Итак, в вышеприведенных примерах образ Старухи Убырлы разворачивается через отношение героев сказок к ней самой.

Второй тип Старухи Убырлы – это кровопийца, людоед. В этих сюжетах Старуха Убырлы изображается обладательницей огня. Каюм Насыри, обращая внимание на связь Старухи Убырлы с огнем, пишет: «Отыскивают жилище Старухи всегда во время ночи, по огоньку, видимому издали из избушки. При входе застают Старуху за едою: она ест огонь» [5, с. 246]. Например, в сказке «Таңбатыр» («Богатырь-Заря») герой находит дом Старухи Убырлы случайно по огоньку. В этой сказке появляется еще один традиционный сюжет волшебных сказок: Старуха Убырлы проглатывает по очереди каждого из указанных выше героев и выплевывает совершенно здоровыми – безо всяких изъянов. Сюжет этой сказки рассматривается в сопоставлении с обрядами инициации, где тоже представлены мотивы проглатывания неопита каким-то животным, откуда он выходит уже в другом качестве – зрелым воином и членом племени.

По разбросанным в сказках элементам можно создать портрет Старухи Убырлы второго типа: «Она была страшная, зубы ошерены, нижние зубы направлены в потолок, верхние – в половицу пола, вот такая страшная была» («Абзыкаң өйдәме?» – «Дома ли брат твой?») [13, б. 131]. «У Старухи один зуб в небе, а другой в земле, среди морщин на лице может провалиться лошадь с телегой» («Карт бабай» – «Старый дед») [18, б. 64].

Старуха Жалмавыз, которая убивает людей, высасывая у них кровь, также относится ко второму типу Старухи Убырлы. Например, в сказке «Яхшылыкка – явызлык» («Зло за добро») героиня говорит: «Каждый день после вашего ухода приходит Старуха Жалмавыз и просит ее расчесывать. Пока я ее причесываю, она, оказывается, сосет мою кровь, а я это не чувствую. Сегодня она придет, последнюю мою кровь высосет, вы не ходите на охоту» [12, б. 203].

Старуха Убырлы или Старуха Жалмавыз выбирают самого слабого уязвимого героя – женщину, никогда не выходящую на схватку с настоящим героем.

Третий тип образа Старухи Убырлы выступает колдуньей, или ведуньей. К ней обращаются, желая узнать секреты главного героя, просят у Старухи помощи при сотворении зла. Как отмечает К. Насыри, «посещают Убыр-Старуху люди недостойные, сребролюбивые и сластолюбивые» [Там же, б. 245].

В этих сказках Старуху Убырлы называют *сихерче карчык* (Старухой-колдуньей): «А Старуха Убырлы чувствует, ведь она колдунья» («Ут гармуны» – «Огненная гармонь») [Там же, б. 164]. В сказке «Алтын яллы колын» («Жеребенок с золотой гривой») Старуха Убырлы – колдунья также является примером этого вида: «В деревне была одна Старуха колдунья, мачеха пошла к ней домой, рассказала о жеребенке с золотой гривой» [3, б. 52].

Если традиционная Старуха Убырлы обитает в лесу, третья разновидность образа, колдунья, хоть и нелюдимая, живет в деревне или в городе. Жители знают ее и приходят к ней с определенной целью. У татарского народа отношение не только к колдунам, но и даже к тем, кто к ним обращается, крайне отрицательное. Их обвиняют во всех несчастьях, воспринимают источником зла. Это и является причиной слияния функций образов. В народе до сих пор людей, которые известны как колдуны или ведуньи, называют Убырлы карчык.

Четвертая разновидность Старухи Убырлы татарских сказок – это мифологический персонаж, способный перевоплотиться, превратиться в волка-оборотня. Сказок, изображающих образ с оборотнем, немного. Например, в сказке «Гульчачак» Старуха Убырлы изображена следующим образом: «Старуха была злая-презлая. Многих батыров она с пути сбила, многих людей в трясину заманила... Не вынес сын всего этого и ушел скитаться по свету, ушел счастье искать» [11, б. 169]. Если в начале сказки Старуха Убырлы изображается человеком, то в определенных ситуациях она превращается в серого волка: «Тем временем колдунья вернулась и, не найдя сноху дома, кинулась за ней в погоню. Превратилась она в серого волка и бежит,

принюживаясь, по следу» [Там же, б. 171]. В этой сказке Старуха Убырлы приобретает свойства другого мифологического персонажа – *Убыра*. В татарских мифологических рассказах Убыр – это персонаж, способный перевоплотиться, превратиться в волка-оборотня; упырь, оборотень.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что Старуха Убырлы предстает в татарских сказках в четырех ипостасях. При этом каждый вид мог бы просуществовать и как самостоятельный сказочный персонаж.

Первая ее ипостась, с одной стороны, близка к духам природы, лесным духам, с другой – охраняет границу между миром живых и мертвых. Людей, которые приходят в ее мир, в зависимости от их отношения к ней, Старуха либо награждает, дарует им жизнь и богатства, либо наказывает. Как известно, в мифологии духи природы охраняют границы своего мира или свои богатства, создавая определенную гармонию и наказывая нарушителей покоя и мира [8]. Старуха Убырлы своими качествами соответствует и природным духам. Она показывает герою дорогу, помогает перейти границу между двумя мирами; дает ему свой атрибут – клубок, тем самым определяет путь героя, является прядильщицей судьбы [4].

Вторая ипостась Старухи Убырлы близка первой: в татарских сказках она изображается как персонаж, связанный с огнем. В сказке Старуха проглатывает покалеченных героев, лишившихся рук, ног и глаз богатырей, и, извергая обратно, возвращает их в полноценное состояние. Мотив проглатывания героев сохраняет отголоски инициации.

Третья ипостась Старухи Убырлы представлена функциями Старухи-колдуньи. Она помогает людям претворять в жизнь злые умыслы, злые намерения. В отличие от первых двух ипостасей, у третьего персонажа нет положительных качеств; он изображается как средоточие зла.

Четвертая ипостась также является отрицательным персонажем, способным принимать совершенно другой облик. В сущности, образ близок к образу оборотня или упыря, изображенному в мифологических рассказах.

Таким образом, в татарских сказках Старуха Убырлы предстает в четырех ипостасях, раскрывается сложным, противоречивым персонажем, который символизирует и добро, и зло, и мудрость, и милосердие.

Список источников

1. Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
2. Закирова И. Г. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы: автореф. дисс. ... д. филол. н. Казань, 2011. 65 с.
3. Иртеккэ сәяхәт: Әкиятләр, жырлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 159 б.
4. Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 41 с.
5. Насыри К. Поверья и обряды Казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства // Записки русского географического общества по отд. этнографии. 1880. Т. VI. С. 240-270.
6. Потебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1865. С. 85-310.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 340 с.
8. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.
9. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.
10. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. II том (М-Я). 567 б.
11. Татар халык ыжаты. Әкиятләр. Беренче китап. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. 407 б.
12. Татар халык ыжаты. Әкиятләр. Икенче китап. Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. 447 б.
13. Тугый кош: татар халык әкиятләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 223 б.
14. Урманчев Ф. И. Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек: 3 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011. Т. 3. 199 б.
15. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подгот., общ. ред., предисл. и послесл. Н. В. Брагинской, послесл. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
16. Хакимзянова Д. Ф., Сабирова Р. Н. Женские образы в тюркской мифологической культуре // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4. С. 65-68.
17. Хусаинова Г. Р. Персонажи башкирской волшебной сказки: мифологические противники героя // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 84-87.
18. Әсирлектән кайткан әкиятләр: татар халык әкиятләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 343 б.

UBYRLY KARCHYK IMAGE IN THE TATAR FAIRY TALES

Minnullin Kim Mugallimovich, Doctor in Philology, Professor

Zakirova Il'seyar Gamilovna, Doctor in Philology

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

minnullin.kim@yandex.ru; ilzakirova@mail.ru

The article examines Ubyrly karchyk image, which is insufficiently investigated in the Tatar folkloristics. Old Ubyrly is a complicated and contradictory personage who partially resembles Baba Yaga. In the Tatar fairy tales, Ubyrly karchyk is represented in four capacities: a hero's assistant; a fire holder; a sorceress, witch; a werewolf. Contradictoriness and multi-dimensionality of the image are explained by the fact that it was formed over a long period and assimilated the elements of different origin, from ancient myths to more recent fairy tales, bylichkas (a story of the Russian folklore about an allegedly true event involving a meeting with spirits) and legends.

Key words and phrases: Ubyrly karchyk; Tatar folklore; hero's assistant; fairy tale; versions of image.